

А.П. Окладников

**Очерки из истории западных
бурят-монголов (XVII—XVIII
вв.)**

Часть 1-2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

А11 **А.П. Окладников**
Очерки из истории западных бурят-монголов (XVII—XVIII вв.): Часть 1-2 /
А.П. Окладников – М.: Книга по Требованию, 2021. – 429 с.

ISBN 978-5-458-54630-0

ISBN 978-5-458-54630-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ОТ РЕДАКЦИИ

Публикуемая работа А. П. Окладникова представляет собой опыт разработки ряда важнейших вопросов истории одного из народов СССР — бурят-монголов.

Будучи построена на основе богатого неопубликованного архивного материала, а также на данных фольклора, археологии и отчасти языка, работа А. П. Окладникова вводит в оборот и дает в руки исследователям новый документальный материал по истории бурят-монголов.

Вместе с тем вторая часть работы, посвященная вопросам социального строя бурят-монголов, во многом представляется спорной и носит характер скорее постановки вопроса, чем окончательного его решения.

Особенно это следует отнести к гипотезе автора о происхождении бурят-монголов и к его выводам о характере общественного строя бурят-монголов накануне русского завоевания.

ВВЕДЕНИЕ

В 1933 году Советская Бурят-Монголия праздновала свой десятилетний юбилей. «Из угнетенной колонии царской России Бурят-Монголия благодаря ленинской большевистской политике стала быстро-растущей советской республикой, успехи социалистического строительства которой служат народам колониального Востока примером и призывом к борьбе за свое освобождение»,¹ отмечал ЦК ВКП (б) в своем приветствии республике-юбиляру.

Великие успехи хозяйственного и культурного социалистического строительства в Бурят-Монгольской Автономной Советской Социалистической республике, ликвидирующей вековую отсталость — наследие колониального прошлого, — и ее мощный культурный рост обуславливают и повышают глубокий интерес трудящихся масс к историческому прошлому своей страны и народности. Вполне естественно, например, что, выступая перед тов. Сталиным от имени бурят-монгольских трудящихся масс, строящих бесклассовое общество в стране, испытавшей все ужасы аннекционистской, колонизаторской политики царизма и феодально-кулацкий гнет национальной эксплуататорской верхушки, с рассказом о достижениях республики, М. Н. Ербанов — руководитель большевиков Бурят-Монголии — на приеме в Кремле в январе 1936 г., выражая мысли и чувства народных масс республики, не мог не вспомнить этого прошлого, противопоставляя ему новую счастливую жизнь, расцветающую в свободной Советской Бурят-Монголии. Вполне понятно желание строителей новой Бурят-Монголии знать прошлое своей страны, историю ее культурного развития и быта.

Этот интерес трудящихся республики к истории своей народности, растущий вместе с ее хозяйственно-культурным ростом, имеющий столь глубокие корни, предъявляет к самой исторической науке высокие требования, требует поднятия исторической работы в Бурят-Монголии на уровень, соответствующий эпохе и директивам партии.

Перед историками Бурят-Монголии стоит задача создания истории бурят-монгольского народа, а также и других народностей и племенных групп, входящих в состав республики как

¹ Цитировано по статье М. Рагдурова — «Форпост социализма на Востоке», «Правда», 28/1 1936 г.

части истории народов СССР, — истории марксистско-ленинской, в которой трудящиеся «...должны получить не мертвую схему познания и разлагающихся общественно-экономических формаций, а конкретную картину борьбы классов с характеристикой их вождей, с конкретной характеристикой классовых отношений в этой борьбе, ибо только таким образом история научит их тому, что является задачей ее, как науки о политике, т. е. о борьбе за власть и ее сохранение». ¹

Основные трудности предстоящей работы исчерпывающе отмечены центральным органом партии («Правдой»), а состояние исторических работ ² в области изучения истории бурят-монгольского народа лишь иллюстрирует все эти указания.

О состоянии работ по выяснению основных фактов и событий бурят-монгольской истории может дать представление разработка любой темы, связанной с последними, в том числе о национально-освободительном движении на разных этапах его развития, т. е. темы, обнимающей и предмет данной работы.

В замечаниях гг. Сталина, Кирова и Жданова по поводу конспекта учебника по «Истории СССР» указано: «В конспекте не даны условия и истоки национально-освободительного движения покоренных царизмом народов России и, таким образом, октябрьская революция, как революция, освободившая эти народы от национального гнета, остается немотивированной, равно как немотивированным остается создание Союза ССР». ³

Имеющие такое значение вопросы национально-освободительного движения остаются в Бурят-Монголии совершенно неразработанными во всей их сложности, особенно в части изучения истоков этого движения.

Что касается именно этих последних, то одним из наиболее сложных и значительных фактов истории бурят-монгольской народности является, например, и та длительная упорная борьба бурят-монголов, которую они вели против царизма, начавшего захват бурятской территории еще в первой половине XVII в. Но несмотря на то, что вся «политическая история» бурят-монгольской народности с 1630 г. до конца XVII в. и отчасти позже представляет яркую и цельную картину многочисленных попыток угнетенных масс свергнуть иго царизма или избавиться от него бегством, мы до сих пор не имеем достаточно отчетливого представления даже о важнейших явлениях этой борьбы, не говоря уже об отсутствии методологически четкой марксистской постановки самой данной проблемы в прежней литературе. Нет ни одной работы, которая была бы специально посвящена изучению восстаний бурят-монголов в XVII в.; со времен Миллера и Фишера события, связан-

¹ «Правда», 27/1 1936 г., передовая — Преподавание истории в нашей школе.

² Там же.

Там же, Замечания по поводу конспекта учебника по «Истории СССР».

ные с восстаниями бурят, бедно излагались исследователями лишь в качестве одной из многих деталей завоевания Сибири. Даже в специальных обзорах истории бурят-монгольского народа.¹ вышедших большей частью после революции, восстания XVII в. не получили достаточно полного описания и места, которого они заслуживают. Историками же, стоящими на марксистских позициях, в чьи задачи входило изучение по-новому национально-освободительного движения и классовой борьбы Бурят-Монголии, начиная с их истоков и позже, почти ничего не было сделано для углубленного анализа конкретных фактов и привлечения новых материалов.

В юбилейных сборниках и общих статьях, правда, иногда отводилось известное место немногим скупым строчкам с декларативной оценкой роли восстаний и бедно, хотя и не всегда точно, перечислялись главные из них, как факты борьбы с завоевателями, но этим все и ограничивалось. И вообще историки-марксисты в Бурят-Монголии почти не пытались проводить самостоятельных новых работ в области изучения столь «далекого прошлого», ограничиваясь традиционными ссылками на своих ученых предшественников, обладавших полнотой сведений и аппаратом фактов, казалось исключавшими не только необходимость, но и возможность извлечения чего-либо нового из архивов, создания новых построений и проверки старых. Как бы молчаливо признавалась и утверждалась по отношению к истории Бурят-Монголии XVII в. монополия Фишера, опубликовавшего сокращенное продолжение «Сибирской истории» Миллера; не возникало никаких попыток пойти дальше «Очерков» М. Н. Богданова и проч., хотя неизбежны были во многом методологические принципиальные расхождения с ними; очевидна была потребность в критическом освоении этого научного наследия и в выходе за поставленные ими пределы.

Наиболее значительным препятствием для развертывания широких конкретно-исторических исследований по истории бурят-монголов в эпоху русского завоевания и восстаний XVII в. было известное пренебрежение вопросами «далекого прошлого» и часто ложно понятые задачи актуализации тематики исторических работ, расчленяемых по формальным признакам хронологической близости к современности, склонность к схематической трактовке

¹ М. Н. Богданов, *Очерки истории бурят-монгольского народа*. Верхнеудинск, 1927; Б. Б. Барадийн, *Бурят-монголы, краткий исторический очерк оформления бурят-монгольской народности*, Верхнеудинск, 1927; А. Н. Турунов, *Прошлое бурят-монгольской народности*. Верхнеудинск, 1922.

К числу общих обзоров может быть причислена и дореволюционная брошюра И. П. Серебряникова, *Покорение и первоначальное заселение Иркутской губернии*. Иркутск, 1915, поскольку автор в хронологическом порядке излагает события русского завоевания и «покорения» бурят, а также работа свящ. П. А. Подгорбунского, *Буриты, исторический очерк*, «Иркутские епархиальные ведомости», 1902.

явлений, «социологизаторство» и вызванная всем этим недооценка конкретно-исторических исследований. По этой причине, а совсем не потому, что все уже было сделано и нечего было внести нового в изучаемые проблемы, судьбы бурятских восстаний и события русского завоевания с фактической стороны излагались также по ставшим классическими работам Фишера и Миллера, отражавшим взгляды помещицкой, великодержавной по устремлениям, школы русских историков XVIII в., и по историческим работам представителей нарождавшейся мелкобуржуазной национальной интеллигенции XIX—XX вв., пропагандировавшей националистические идеи.

Между тем *«нас касается всякий важный вопрос не только настоящего и будущего, но и прошлого нашего собственного народа»*, — как говорил тов. Димитров на VII конгрессе Коминтерна, указывая на исключительную важность общей задачи: «...исторически правильно, в подлинно марксистском, ленинско-марксистском, ленинско-сталинском духе осветить перед трудящимися массами прошлое их собственного народа, чтобы увязать свою теперешнюю борьбу с его революционными традициями в прошлом...».¹

Историки бурятского народа также бесспорно могут и должны показать массам борьбу его предков в XVII в. с царизмом, увязать ее с последующим революционным движением и борьбой за новую социалистическую жизнь в современности.

Задача такого, исторически правильного, освещения прошлого бурятского народа требует пересмотра не только тех или иных теорий, но и фактического материала, документальной базы прежних построений, привлечения новых источников, мобилизации всего необходимого материала. Здесь открывается обширное поле для напряженной творческой работы, которая должна отвечать также и несравненно более высоким, чем прежде, методическим требованиям, обусловленным марксистским, ленинско-сталинским направлением исследований. И может быть, потребность не только пересмотра выводов и методологии прежних исследований, но и полной проработки всего материала заново. нигде в других разделах истории бурятского народа не ощущается так остро, как в частной области изучения восстаний XVII в., в силу некоторой общей заброшенности этого участка исторических исследований.

До сих пор, как уже отмечалось выше, кроме документов и их копий, опубликованных в сравнительно незначительном количестве в «Актах исторических» и «Дополнениях» к ним, основным источником для работ всех позднейших исследователей, так или иначе касавшихся восстаний и связанных с восстаниями со-

¹ Г. Димитров. Наступление фашизма и задачи Коммунистического Интернационала в борьбе за единство рабочего класса против фашизма. Доклад и заключительное слово, Партиздат, 1935, стр. 64, 65.

бытий, начиная с Чудовского и т. п. и кончая Серебрянниковым, Туруновым, Козьминным и Богдановым, служили «Сибирская история» Фишера и труды Миллера, являющиеся классической, для своего времени, фундаментальной сводкой огромного фактического материала, собранного в копиях с дел местных сибирских архивов, ныне в большинстве своем бесследно исчезнувших. Но при всех для того времени неоспоримых достоинствах трудов Фишера и Миллера их «Сибирская история» в настоящее время уже не может служить единственным источником и образцом для стереотипного изложения по ней истории народов, населявших и населяющих Сибирь, истории их борьбы с царизмом в особенности. Недостаточно и опубликованных документов.

Это тем более ясно, что в архивах центра, а отчасти и мест, например в фондах Восточно-Сибирского краевого архивного бюро, центрального архива Бурят-Монгольской АССР и т. д., хранится большое количество документального материала на русском, на бурят-монгольском, отчасти и на других — китайском, монгольском — языках, необходимого не только для проверки и дополнения построений Миллера и Фишера, но и для новых исторических исследований, которые на богатых архивных данных и в новом свете покажут подлинные исторические судьбы народностей и племенных групп Сибири, в частности бурят-монгольского народа.

По инициативе и поручению Государственного института культуры Бурят-Монгольской АССР в целях предварительной разработки намеченной частной, но очень сложной темы, требующей вообще длительной работы целого коллектива, автором проведен был обзор и выявление только важнейших материалов о бурятских восстаниях XVII—XVIII вв. в архивах Иркутска, Ленинграда и Москвы в надежде, что эти материалы будут полезны для разработки истории бурят-монголов. Такая попытка лишь приоткрыла, конечно, некоторые перспективы дальнейшей работы, тем не менее исключительный интерес, который приобретают вопросы изучения национально-освободительного движения, а также и его истоков, в связи с подъемом исторических исследований в Бурят-Монгольской АССР на новую, высшую ступень, заставляет автора, ограничиваясь определенными географическими и хронологическими рамками, выступить с анализом уже имеющегося конкретного материала, с хроникой событий и некоторыми обобщениями, вытекающими из наличных данных, а потому, конечно, и не окончательными, имеющими лишь предварительный характер, но оправданными в данный момент общим состоянием исследования затронутых проблем.

В ней использованы известные, но нигде полностью не опубликованные, частично изданные лишь в «Актах исторических» и «Дополнениях» к ним списки, т. е. копии с подлинных дел сибирских архивов, принадлежащие к собранию рукописных материалов академика Миллера (архив АН СССР, фонд 21), в частности «Спис-

ки Якутской архивы», «Списки Енисейской архивы», «Списки Мангазейской архивы», «Списки Иркутской архивы» и др., послужившие основой «Сибирской истории» Фишера и известных трудов Миллера.

Кроме того, привлечен ряд неопубликованных пока материалов из фондов Института истории АН СССР («Якутские столбцы»), Восточно-Сибирского краевого архива и некоторых других. Очень интересные и обширные материалы получены при изучении столбцов фонда «Сибирского приказа» в Государственном архиве феодально-крепостнической эпохи в Москве, бывшем «Древлехранилище» Централрхива (ниже используются материалы ГАФКЭ только из фонда «Сибирского приказа»).¹

Все эти материалы имеют свою специфику: казачьи отписки XVII—XVIII вв., как и все вообще памятники приказного делопроизводства, разумеется, очень односторонни как документы, оставленные завоевателями и колонизаторами.

Ограниченность и специфическую узость архивного документального материала очень четко отметил в свое время и Н. Н. Козьмин, указывая в одной из статей о задачах исторического изучения прошлого бурят-монгольской народности, что нужен материал для освещения «в динамическом разрезе» вопросов национального самоопределения, культуры, хозяйства, языка и быта. По его словам, труды Миллера, Фишера, «Акты Исторические» и т. д. непригодны для такой цели: «А где взять нужный для этого материал? Не в тех, конечно, сборниках исторических известий, которыми являются старые сочинения Фишера, Слоцова, Андриевича; там мы найдем только известия о покорениях сражениях, воеводских делах. Но бурятские дела и бурятскую народность приходится разыскивать в них чуть ли не в лугу».²

Пессимизм Н. Н. Козьмина может служить только иллюстрацией отмеченного выше «тупика» XIX—XX вв., когда историки Сибири, особенно с периферии — сибиряки, обычно ограничивались разработкой сведений Фишера и Миллера, не имея под руками первоисточников.

¹ Ниже даются ссылки на использованные материалы архива Института истории АН СССР с обозначением «Архив ИАИ АН СССР» или «ИАИ АН СССР», с указанием фонда («якутские», «иркутские дела») и года.

Архивные материалы ГАФКЭ приводятся со ссылками на фонд («Сибирский приказ»), номера столбцов и книг, листы последних (сокращенно: «ГАФКЭ, столб. 17/18, л. 205»).

Ссылки на материалы из собраний миллеровских копий архива АН СССР содержат указания на фонд (№ 21), опись этого фонда (№ 4), номер дела (например, номер дела, содержащего копии документов «Енисейской архивы»), номера документов каждого дела, цитируемых в тексте, их листов или страниц. В целях сокращения места, занимаемого сносками, даются и более краткие указания («Списки Енисейской архивы» и т. д.), причем имеются в виду лишь дела фонда 21 архива Академии Наук СССР.

² Н. Н. Козьмин, Исторические изучения и родословия, «Бурятско-ведический сборник», в III—IV, Иркутск, 1926.

Сами Миллер и Фишер располагали значительно более ярким и разнообразным сырым материалом, который мог бы заговорить по-новому «под лупой» современного исследователя. Но вполне естественно, что их монументальная «Сибирская история» не дает на своих страницах места для дел бурятской народности, а прославляет «успехи российского оружия» в «дикой» сибирской окраине Московского царства XVII в. и Российской империи XVIII в. Являясь результатом классового заказа, такая «История» использует тенденциозно подобранный кощунственный материал. Подлинные же казачьи отписки, донесения, доезды, сметы, ясачные книги и тому подобные деловые документы могут дать под объективом историка-марксиста неожиданно богатый и красочный материал, касающийся таких бесспорно «бурятских дел», как организация и ход вооруженного отпора царским завоевателям и приказным людям, как классовое расслоение самих бурят, страдания масс под гнетом царизма и собственной знати и т. д. и т. п. Все эти факты неизбежно входят в историю самих бурят, а потому и требуют изучения в связи с общим ходом истории Бурятии.

В этом же и ценность архивного «сырья» для данной темы. Ценность эту можно было бы не отмечать, если бы не было к тому повода в виде дезориентирующих пессимистических высказываний хотя бы того же Н. Н. Козьмина. Кроме того, значение русских письменных источников тем более велико, что собственно бурятских письменных источников начала XVII в. мы не знаем.¹

Наряду с письменными русскими документами XVII в. есть, однако, и еще два вида ценнейших неписьменных источников. использовывавшихся вообще совершенно недостаточно.

Н. Н. Козьмин в указанной статье, несправедливо оставляя в стороне известия о покорениях, сражениях и восводских делах, правильно подчеркнул особое историческое значение фольклорной традиции, устного исторического материала, являющегося у бесписьменных прежде бурят, западных в особенности, единственным собственным бурят-монгольским памятником глубокого исторического прошлого. Само собой разумеется, что значение фольклорных данных крайне велико, но вместе с тем и ограничено условиями бытования бесписьменной устной традиции, где была граничит со сказкой, правда незаметно переходит в вымысел. Перед историком здесь стоят, прежде всего, задачи исторической критики фольклорных сведений в свете других данных, анализа фольклорных сюжетов, как таковых, в их развитии, оценки устного истори-

¹ Институтом востоковедения АН СССР в серии «Материалы для истории бурят-монголов» недавно изданы и готовятся к изданию бурятские летописи, написанные в XIX в.

См. А. П. Востриков и Н. П. Поппе, «Летопись баргузинских бурят», «Труды института востоковедения», VIII, Л., 1935; «Летописи хориинских бурят», вып. I; Хроники Тугултур Тобоева и Вандана Юмсунова, текст издал Н. П. Поппе, «Труды института востоковедения», IX, Л., 1935.

ческого материала как памятника народного творчества. Поэтому в настоящей работе привлечены и некоторые фольклорные материалы как источник о бурятских восстаниях XVII—XVIII вв. и той эпохе в жизни бурят-монгольской народности, настроениях и думах народных масс,¹ с учетом специфики и этого, драгоценного вообще, материала.

Наконец, вне поля зрения большинства исследователей, в том числе и самого Н. Н. Козьмина, много сделавшего для изучения истории бурят-монголов, оставался всегда третий источник: вещи, памятники материальной культуры, археологические данные. Не имея возможности подробно излагать конкретные данные, например, о поселениях, об обусинских, тункинских, ленских и других древних погребениях, автор данной работы сделал лишь пробную попытку обобщить накопившиеся факты с точки зрения стадийно-генетического анализа истоков и предпосылок тех форм быта и явлений общественной жизни, которые потом выявились на историческом материале XVII—XVIII вв.

Только такой комплексный подход, с привлечением всех видов источников, может, как казалось автору, обеспечить охват всех сторон изучаемого явления, хотя бы и в самых его общих чертах.

Работа территориально охватывает только Приангарье, т. е. районы расселения западных: усть-окинских, ангарских и унгинских бурят, по преимуществу булагатов, обладавших рядом сходных черт экономики и быта и находившихся в постоянной связи. Восстания на Лене, и тем более в Забайкалье и по Уде, по объему работ и материала требуют специального исследования.²

Первая часть работы освещает события освободительной борьбы бурят Приангарья в хронологических рамках XVII—XVIII вв. и в пределах наличного материала; вторая часть посвящена характеристике общественного строя Бурятии до русских и на первом этапе русской колонизации, так как различные факты общественного движения бурят-монголов и борьбы их с царизмом,

¹ Много собрано и много издано, но еще больше можно собрать, и пора, пока еще не исчезло все, что относится к «живой старине» бурят-монголов, приступить к более систематическому и широко развернутому, при участии массового краеведческого актива, собиранию фольклорных материалов, а затем к изданию и также к переводу на русский язык накопленных сокровищ, часто лежащих без движения в архивах ученых обществ и учреждений в центре и на местах. Сохранились, например, ценнейшие рукописи М. Н. Хангалова, В. А. Михайлова и др.; лежат в Иркутске и Улан-Уде драгоценные материалы П. Н. Баторова, в том числе бурятские исторические предания о происхождении отдельных родов, шаманские призывания и песнопения, легенды, относящиеся к отдельным историческим личностям и местностям. Эти рукописи покрываются пылью, о них не знают даже иногда специалисты. Хотя новая марксистская история Бурятии остро нуждается, будучи еще в стадии возникновения, в таких материалах, где звучит голос самого народа о его нуждах и судьбе.

² Лишь такое исследование позволит рассмотреть историю бурятских восстаний в целом, в полной мере осветить совместные выступления ангарских и ленских, байкальских и кудинских бурят, оставленные поэтому нами в стороне, как подлежащие проработке в общей связи.

очевидно, не могут быть полностью поняты без установления их связи с ходом всего общественного развития.

Историкам, занимавшимся изучением вопросов истории бурят-монголов в XVII в. и до русского завоевания, хорошо известны все трудности, ожидающие здесь исследователя, и прежде всего — отсутствие необходимой полноты фактических сведений о внутреннем строе общества; автор, однако, считал себя в праве привлечь все имевшиеся данные, в том числе, как указано выше, археологические и этнографические, и выдвинуть на обсуждение некоторые общие положения, поскольку они вытекают из предшествующего анализа событий и разъясняют последние, причем предметом изучения также были факты, относящиеся только к западным бурятам, преимущественно же к ангарским и ленским, ввиду очевидных различий в темпах развития и хозяйственно-культурных особенностях у двух основных групп бурят-монголов, западной и восточной, в прошлом.¹

Сама по себе тема исследования и концентрированный вокруг нее фактический материал вели именно в отмеченном направлении и до некоторой степени облегчали поставленную трудную задачу, так как в бурных событиях, связанных с ходом освободительной борьбы бурят-монголов, в тактике ее участников и в бесчисленных, наконец, бытовых мелочах нередко с особой яркостью находили свое отражение внутренние пружины явлений, лежавшие глубоко в общественном строе и в общих условиях всего исторического процесса, но вышедшие на поверхность в связи с внешнеполитическими и внутренними социальными конфликтами.

Наиболее сложной и наименее разработанной является проблема генезиса и характера классовых отношений в бурятском обществе, без того или иного положительного решения или правильной постановки которой вообще не может быть выяснен характер восстаний как общественно-политических явлений в конкретном обществе на определенной стадии его развития.

Предлагаемые наблюдения и предположения о дофеодалном периоде у бурят-монголов и возникновении феодальных отношений в конкретно-исторической обстановке древнего бурят-монгольского общества, естественно, не выходят за пределы подлежащей обсуждению и проверке на фактах «рабочей гипотезы», дополняющей работу ввиду отсутствия таких построений, на которые можно было бы опереться в анализе материала основной нашей темы о восстаниях. Что касается выводов о характере самих восстаний, то необходимо заметить, что в процессе работы

¹ Вопрос об этической терминологии решается здесь автором таким образом, что при изложении документальных данных сохраняется терминология документов. Термин «буряты» применяется в этнографическом его значении как общее определение для совокупности племен, входивших в прошлое в бурятскую народность. У нас нет уверенности, что все «тунгусы» XVII в. были звенками и называли себя так, и поэтому вряд ли целесообразно при изложении казачьих сведений отказываться и здесь от их терминологии.